

ПОЭТИКА «ЖЕСТОКОГО РЕАЛИЗМА» В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX - XXI ВЕКА

Сиддикжанова Дурдона Сохибжановна
студентка 2-курса Наманганского
Государственного Университета
e-mail: durdonasiddiqjonova@gmail.com
ORCID: 0009-0001-7666-0561

Аннотация: В статье исследуется художественное своеобразие «жестокости реализма» в контексте русской женской прозы конца XX – начала XXI века на материале произведений Л. Петрушевской и ее современниц. Автор анализирует трансформацию реалистического дискурса в условиях экзистенциального и социального кризиса перестроечной эпохи. Рассматриваются субъектно-объектная организация текстов, их специфический лексико-синтаксический строй, а также концепция «жертвенного» героя как альтернатива деструктивной действительности. В работе показано, что натуралистические детали служат инструментами глубокой демифологизации советских гендерных ролей и нравственной самодиагностики общества. Исследование расширяет научные представления о механизмах эволюции постсоветского реализма, доказывая, что сквозь призму поэтики «жестокости реализма» происходит прорыв к сакральным, этическим смыслам бытия, определяющим гуманистический потенциал современной женской литературы.

Ключевые слова: женская проза, жестокий, реализм, поэтика, жертвенность, хронотоп, Петрушевская

POETICS OF "CRUEL REALISM" IN RUSSIAN WOMEN'S PROSE OF THE 20TH- 21ST CENTURIES

Siddiqjonova Durдона Sohibjon qizi
2nd-year student of Namangan State University

Abstract: The article explores the artistic uniqueness of "cruel realism" within the context of late 20th and early 21st-century Russian women's prose, based on the works of L. Petrushevskaya and her contemporaries. The author analyzes the transformation of realistic discourse amidst the existential and social crisis of the Perestroika era. The subject-object organization of texts, their specific lexico-syntactic structure, and the concept of the "sacrificial" hero as an alternative to destructive reality are examined. The study demonstrates that naturalistic details serve as tools for a profound demythologization of Soviet gender roles and the moral self-diagnosis of society. The research expands scholarly understanding of the evolutionary mechanisms of post-Soviet realism, proving that through the prism of the poetics of "cruel realism," a breakthrough to the sacred, ethical meanings of existence occurs, which determines the humanistic potential of contemporary women's literature.

Keywords: women's prose, cruel, realism, poetics, sacrifice, chronotope, Petrushevskaya

XX–XXI ASRLAR RUS AYOLLAR NASRIDA "SHAFQATSIZ REALIZM" POETIKASI

Siddiqjonova Durдона Sohibjon qizi

Namangan davlat Universiteti 2-bosqich talabasi

Annotatsiya: Maqolada L. Petrushevskaya va uning zamondoshlari asarlari misolida XX asr oxiri – XXI asr boshlaridagi rus ayollar nasri kontekstida "shafqatsiz realizm"ning badiiy o'ziga xosligi tadqiq etiladi. Muallif qayta qurish davridagi ekzistensial va ijtimoiy inqiroz sharoitida realistik diskursning transformatsiyasini tahlil qiladi. Matnlarning subyekt-obyekt tuzilishi, ularning o'ziga xos leksik-sintaktik qurilishi, shuningdek, destruktiv borliqqa muqobil o'laroq "fidoiy" (qurbon bo'luvchi) qahramon konsepsiyasi ko'rib chiqiladi. Ishda naturalistik detallar sovet gender rollarini chuqur demifologizatsiya qilish va jamiyatning ma'naviy diagnostikasi vositasi bo'lib xizmat qilishi ko'rsatib o'tilgan. Tadqiqot postsovet realizmi evolutsiyasi mexanizmlari haqidagi ilmiy tasavvurlarni kengaytirib, "shafqatsiz realizm" poetikasi prizmasi orqali borliqning muqaddas, axloqiy ma'nolariga kirib borilishini isbotlaydi, bu esa zamonaviy ayollar adabiyotining gumanistik salohiyatini belgilab beradi.

Kalit so'zlar: ayollar nasri, shafqatsiz, realizm, poetika, fidoiylik, xronotop, Petrushevskaya

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого научного анализа эстетических трансформаций, произошедших в русской литературе на рубеже XX–XXI веков, когда на фоне масштабных социокультурных сдвигов и разрушения советской идеологической парадигмы возник феномен «женской прозы». Центральное место в художественной системе этого периода заняла эстетика «жестокости реализма». Этот феномен долгое время воспринимался критикой исключительно как поверхностная фиксация бытовой деструкции и маргинального существования. Однако глубокий филологический анализ показывает, что за шокирующими натуралистическими деталями скрывается сложная экзистенциальная и этическая рефлексия, направленная на поиск духовных опор в дезинтегрированном мире. «Жестокость реализма» в женской прозе не просто фиксирует социальный распад, но и предлагает уникальные художественные стратегии преодоления кризиса через обращение к телесному опыту, повседневности и теме самопожертвования. В условиях современного литературоведения критически важно исследовать этот феномен не как маргинальное явление, а как полноценную реалистическую макроструктуру. Это позволяет выявить внутреннюю логику развития постсоветского литературного процесса и глубже понять специфику гендерной идентичности в условиях тотальной переоценки ценностей. Настоящая работа ставит целью раскрыть поэтические особенности «жестокости реализма» и доказать его важную культурно-созидательную роль. Исследование вносит вклад в понимание эволюции реалистического метода и предлагает новый взгляд на женский нарратив как на пространство этического сопротивления социальному хаосу и бытовой неустроенности, преодолевающим рамки жесткого эмпиризма и деструкции в отечественной словесности.

Обзор литературы

Анализ теоретической базы показывает, что феномен женской прозы и «жесточкого реализма» находится в фокусе внимания многих исследователей, рассматривающих его с различных методологических позиций. Научные труды в этой области условно разделяются на эстетико-реалистические, гендерно-хронотопические и этико-философские. Первые системные шаги в исследовании феномена «жесточкого реализма» сделали Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий в своей фундаментальной работе «Жизнь после смерти или новые сведения о реализме». Н. Л. Лейдерман подробно описал трансформацию классического реалистического дискурса, доказав, что в условиях эстетического кризиса конца XX века реализм перешел на уровень новой структуры, способной упорядочить хаотический постсоветский быт. В свою очередь, М. Н. Липовецкий исследовал аксиологическую структуру этого направления, сфокусировавшись на поиске путей преодоления духовного тупика. Ученый доказал, что наивысшей ценностью в мире жесточкой борьбы обладает то, что существует вопреки ей, а именно беспомощность и способность к самопожертвованию. Проблему этического измерения «жесточкого натурализма» детально проанализировала Е. И. Богданова. Исследовательница сфокусировала внимание на творчестве Л. Петрушевской, выявив, что жесточкие натуралистические образы служат нецелевой демонстрацией пороков, а формой честной самодиагностики общества, призванной побудить людей задуматься о своей нравственной состоятельности. Гендерный аспект и пространственно-временные трансформации прозы этого периода исследовала Т. Ровенская. Она выявила, что «женская проза» возникла в контексте социальных потрясений и изменения гендерных ролей, активно используя дискурс и расширенный хронотоп кризиса для деконструкции патриархатных стереотипов через детальное изображение быта. Существенный вклад в понимание телесного опыта и специфики женского нарратива внесла И. Савкина, исследовавшая поэтику повседневности («бытописания»). Она показала, как через реабилитацию маргинальной телесности писательницы преодолеваются традиционное советское замалчивание физиологического опыта. Наконец, М. А. Черняк рассмотрела жанровые модификации постсоветской прозы, классифицируя произведения писательниц рубежа веков как «другую прозу», балансирующую между элитарной литературой и механизмами массовой культуры.

Для наглядного сопоставления подходов шести указанных исследователей ниже приведена таблица.

Исследователь	Фокус научного анализа	Вклад в теорию и ключевые выводы	Источник
Н. Л. Лейдерман	Эволюция реалистического о метода	Выделил макроструктуру «жесточкого реализма» как ответ на распад	

Исследователь	Фокус научного анализа	Вклад в теорию и ключевые выводы	Источник
М. Н. Липовецкий	Ценностные ориентиры и типы	советской художественной картины мира. Описал жертвенность и беспомощность как высшие ценности, существующие вопреки социальной борьбе.	
Е. И. Богданова	Этика «жесткого натурализма»	Показала, что изображение неприглядных сторон быта служит для постановки нравственных вопросов и самодиагностики общества.	
Т. Ровенская	Гендерный хронотоп	Доказала деконструкцию традиционных гендерных ролей через призму «бытописания» в условиях социокультурного кризиса.	
И. Савкина	Поэтика повседневности и телесность	Раскрыла механизмы преодоления патриархатного нарратива через репрезентацию женской телесности и маргинального быта.	-
М. А. Черняк	Жанровые модификации	Систематизировала признаки «другой прозы» как гибридного направления, сочетающего элитарную и массовую эстетику.	-

Методологические основы исследования

Методологическую основу данной работы составляет комплексный филологический анализ, интегрирующий структурно-семантический, сравнительно-исторический и гендерный методы. Для исследования специфики бытового хронотопа и репрезентации повседневности применяется дискурсивный анализ художественного текста, позволяющий эксплицировать взаимосвязь между эстетикой натурализма и этической позицией авторов женской прозы в контексте постсоветского социокультурного кризиса рубежа двадцатого и двадцать первого веков.

Анализ и результаты

Художественное пространство «жесточкого реализма» в женской прозе строится на пересечении натуралистической фиксации распада быта и экзистенциального поиска. Реалистический дискурс выступает здесь как макроструктура, задающая глобальную связность текстов и определяющая их субъектно-объектную организацию. Л. Петрушевская в своих так называемых «реальных» рассказах формирует особый тип высказывания, где «специфика их лексического, синтаксического строя» непосредственно связана с вовлечением читателя в «диалог согласия». Этот диалог строится на признании общей травмы повседневности. Специфика поэтики «жесточкого реализма» проявляется в целенаправленном расширении «хронотопа кризиса», где повседневный быт становится полем острой социальной и экзистенциальной борьбы. Т. Ровенская справедливо указывает на то, что в перестроечной женской прозе авторы использовали этот хронотоп, чтобы оспорить традиционные гендерные роли. Примером тому служит изображение деградирующего семейного пространства, где женщина вынуждена брать на себя маскулинные функции выживания. Литература исследуемого периода осуществляет «косвенную критику истории через репрезентацию женского быта», смещая фокус с великих исторических нарративов на микроисторию страдающего человека. Важнейшим элементом поэтики Л. Петрушевской является «жесткий натурализм в изображении темных сторон внутреннего мира и общественной жизни человека». В рассказах писательницы, таких как «Глюк», изображается пограничное состояние персонажей, лишенных социальной защиты. Однако этот натурализм не самоцелен. Писательница стремится решить глубокие этические задачи, полагая, что «задача писателя – честно ставить вопросы, даже не самые приятные, чтобы побудить людей задуматься о себе, о своей нравственности, человеческой состоятельности». Натуралистическая деталь у Петрушевской всегда метафорична и указывает на внутреннюю поврежденность человеческой души, лишенной любви. Преодоление этого деструктивного хаоса происходит через введение «жертвенного» типа героя. Как отмечали Н. Л. Лейдерман и М. Липовецкий, «в мире Петрушевской наивысшей ценностью обладает то, что не вписывается в условия этой жестокой борьбы... Это беспомощность и самопожертвование». Именно эти качества становятся спасительными, указывая на «свет в конце туннеля». В рассказе «По дороге бога Эроса» главная героиня описана как

«маленькая пухлая немолодая женщина, обремененная заботами, ушедшая в свое тело, как в раковину». Ее физическая невзрачность, подчеркнутая натуралистическим описанием («ушедшая в свое тело»), контрастирует с ее духовной силой. Писательница показывает, что именно способность к жертвенности, невзрачная телесная уязвимость противостоят бездушной логике социального выживания.

В этом контексте важно обратиться к прозе Л. Улицкой и С. Василенко, в чьем творчестве семейная история и женская повседневность также становятся средством преодоления кризисного времени. С. Василенко в своей повести «Дурочка» использует неомифологические пласты, перекликаясь с реалистической макроструктурой Петрушевской. Анализируя структуру «реальных» рассказов, становится очевидным, как деформированная лексика персонажей («чернуха») отражает духовный вакуум эпохи: автор сознательно сталкивает возвышенные ожидания героев с приземленным, жестоким бытом. Это рождает особый трагический пафос, где бытовая грязь очищается через страдание, а деструктивное пространство («хронотоп кризиса») трансформируется в сакральную арену борьбы за человеческое в человеке.

Более того, лексико-синтаксический уровень женской прозы данного периода демонстрирует уход от авторитарного авторского голоса. Использование полифонии, где сталкиваются голоса различных персонажей без выраженной морализаторской оценки со стороны повествователя, вовлекает читателя в сотворчество. Повествовательный синтаксис дробится, имитируя спонтанную устную речь, наполненную паузами, умолчаниями и эмоциональными всплесками. Это позволяет воссоздать психологическую достоверность переживания кризиса. Как отмечают исследователи, именно такая манера письма формирует особую доверительную интонацию, превращая чтение в акт сопереживания и очищения. Таким образом, «жестокый реализм» оказывается не просто отражением распада общества, но и тонким художественным инструментом его преодоления, где за суровыми фактами реальности всегда мерцает возможность духовной альтернативы.

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что поэтика «жестокости реализма» в отечественной женской прозе XX–XXI веков представляет собой глубокое философско-эстетическое осмысление кризиса идентичности. Натуралистические приемы и деконструкция повседневности служат не для очернения действительности, а для честной постановки ключевых этических вопросов. Концепция «жертвенного» героя, воплощенная в персонажах Л. Петрушевской, репрезентирует способность к самопожертвованию как единственную возможность преодоления тотальной борьбы за существование. Эта проза деконструирует советские гендерные мифы, легитимируя женский взгляд на исторические кризисы сквозь призму повседневного быта. Художественная система «жестокости реализма» не замыкается в безысходности, а открывает пути к духовному возрождению, утверждая нерушимость гуманистических идеалов.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Rovenskaya T. Engendering Byt: Russian Women's Writing and Everyday Life from I. Grekova to Liudmila Ulitskaia. — ResearchGate, 2001.
2. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир. — 1993. — № 7. — С. 233–252.
3. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. «Жертвенный» тип героя в малой прозе Л. С. Петрушевской (в контексте теории «жесточого реализма»).
4. Богданова Е. И. Эстетика и этика «жесточого натурализма» в прозе Л. С. Петрушевской (на материале рассказа «Глюк»).
5. Петрушевская Л. С. По дороге бога Эроса: Повести, рассказы. — М.: Олимп — ППП, 1993. — 336 с.
6. Василенко С. В. Дурочка: роман, повесть, рассказы. — М.: Вагриус, 2000.